

Вяткина Ирина Анатольевна

ОДНО ПОСЛАНИЕ В. А. ЖУКОВСКОГО К А. А. ПЛЕЩЕЕВУ: К ВОПРОСУ О РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ДИГЛОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

В статье рассматривается французский источник стихотворного послания В. А. Жуковского к А. А. Плещееву "Послание к Плещееву. В день светлого Воскресения". Автор раскрывает франкоязычную природу текста Жуковского и делает вывод о субстративной функции французского языка в формально-смысловом и языковом воплощении русского стихотворения поэта в условиях русско-французской диглоссии первой трети XIX в.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 26-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается французский источник стихотворного послания В. А. Жуковского к А. А. Плещееву «Послание к Плещееву. В день светлого Воскресения». Автор раскрывает франкоязычную природу текста Жуковского и делает вывод о субстративной функции французского языка в формально-смысловом и языковом воплощении русского стихотворения поэта в условиях русско-французской диглоссии первой трети XIX в.

Ключевые слова и фразы: русская литература; русско-французская диглоссия начала XIX века; стихотворное послание; «домашняя» поэзия; кружковая литература; литературный быт.

Вяткина Ирина Анатольевна, к. филол. н., доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

iviat@rambler.ru

ОДНО ПОСЛАНИЕ В. А. ЖУКОВСКОГО К А. А. ПЛЕЩЕЕВУ: К ВОПРОСУ О РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ДИГЛОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. ©

В современном литературоведении не угасает исследовательский интерес к литературному быту, «маргинальным» жанрам и русско-французским литературным взаимосвязям, что подтверждает большое количество вышедших в последние годы работ, посвященных этим аспектам литературного взаимодействия. Особый исследовательский интерес к проблемам межкультурной коммуникации и восприятия русскими писателями зарубежных литератур способствует осознанию роли и значения французского языка и французской культуры в развитии русского литературного языка и словесности начала XIX века.

Домашняя, «кружковая» поэзия, остающаяся обычно за рамками исследования писательского творчества, является важной вехой в понимании его творческого развития и художественного дарования. По словам Т. Фрайман, исследователя домашней литературы В. А. Жуковского, возникновение «игровых», на грани литературы и быта произведений на фоне активной поэтической деятельности совсем в других жанрах, на фоне интенсивного поиска нового поэтического языка, на фоне высокой популярности поэта представляет собой научную проблему [7, с. 99].

Литературный быт Жуковского 1811-1814 гг. неразрывно связан с именем его соседа – хозяина имения Чернь Болховского уезда, писателя и композитора А. А. Плещеева. В этот период Жуковский и Плещеев тесно общаются, ведут переписку, обмениваются стихотворениями и стихотворными посланиями, устраивают творческие «вечера» и театральные постановки, в которые вовлекают своих домочадцев и соседскую молодежь. Стихотворения, которыми Жуковский обменивается с Плещеевым, являются частью литературно-бытовой игры, однако Жуковский ей придает большое значение, судя по количеству его шутильной поэзии, и «несерьезное» литературное творчество связывается у него с вполне серьезным. Двухязычный «диалог» двух писателей – это не просто игра. Во французских текстах Плещеева Жуковский черпает новые возможности и новые выходы для своего вполне серьезного творчества.

Творческий обмен происходит у приятелей на двух языках – русском и французском. Так, Жуковский пишет 5 ноября 1811 г. П. А. Вяземскому: *«Мы с Плещеевым пишем комедии, каких никто никогда не писал – половина по-русски, половина по-французски и все в стихах. Но этого вздору я не намерен тебе посылать. Дивись только тому, что я играю на театре, пою и танцую в балете в костюме Жука!..»* [4, с. 404]. Однако дело не ограничивается только комедиями: в творческий диалог вступают стихотворения, послания и прозаические шутки. При этом особый интерес представляет именно обмен посланиями, позволяющий детально проследить и выявить французскую основу русского текста Жуковского.

Начало XIX века является периодом расцвета жанра дружеского послания, в котором культивируются идеи братства и дружбы и осваиваются новые художественные формы. В 1812-1815 гг. Жуковский пишет большое количество дружеских стихотворных посланий, среди которых большое место занимают шутильные послания к Плещееву. В них автор не стеснен традицией и строгими правилами, что позволяет ему в полной мере проявить свой юмористический талант. По словам Р. В. Иезуитовой, *«...здесь Жуковский поэтически осваивает предметный, вещевой мир как одну из жизненно важных для литературы сфер»* [5, с. 216]. Послания к Плещееву насыщены каламбурными обыгрываниями, просторечно-грубоватой и эмоционально-окрашенной лексикой, приемами галиматъи, что впоследствии будет широко использовано и даже возьмется за основу в арзамасском братстве, в котором Жуковский и Плещеев примут активное участие.

В архивах ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) хранится послание Плещеева к Жуковскому на французском языке, датированное 12 апреля 1812 года, которое долгое время считалось утерянным [2]. Ответом на него служит послание Жуковского под названием «Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения» [4, с. 178-184], написанное 21 апреля того же года.

В письме к Вяземскому Жуковский говорит об обстоятельствах возникновения этого стихотворения: «Посылаю тебе вместо красного яичка начало нашей переписки с Плещеевым. Мы побожились друг с другом не переписываться иначе, как в стихах. Это послание не первое; я уже много намарал к нему вздору, – но это, кажется, вышло не вздорное. Критиковать его тебе позволяется, и я за его слог не стою, ибо оно написано в два утра с половиною и писано как письмо на почту» [3, с. 874-875]. Упоминание о послании Плещеева содержится в письме В. Л. Пушкина к Д. Н. Блудову от 23 мая 1812 г.: «Любезный вам поэт до сих пор в деревне, он переписывается с Плещеевым, и они написали друг другу два послания в стихах, один – по-русски, другой – по-французски. Хотя и очевидно, что Жуковский писал свое послание впопыхах, его талант проглядывает везде. Французское послание Плещеева полно ошибками против языка и хромающими рифмами, но и в нем можно найти несколько хороших стихов и заметить, что оно писано человеком умным» [6, с. 462]. Об этом же послании Жуковского упоминает и К. Н. Батюшков в июне 1812 г.: «Пришли нам свое послание к Плещееву, которое, говорят, прелестно» [1, с. 196].

Послание Плещеева, начинающее двуязычную стихотворную переписку, закладывает композиционную, образно-смысловую и стилевую структуру ответного послания Жуковского. В обоих текстах морально-этические рассуждения перемежаются с бытописанием, быт и бытие соседствуют, взаимопроникая и стирая грань между «серьезным» и «шуточным», снижая первое и возвышая последнее. В художественном плане Жуковский обобщает и поэтизирует образно-тематические доминанты плещеевского послания, придерживаясь при этом стиля дружеской «болтовни». В плане же языковом поэт берет за основу стилистические и выразительные средства французского текста-источника, и французский язык становится своего рода субстратом его ответного русского текста.

В своем ответном послании к Плещееву Жуковский придерживается композиционной структуры исходного текста, повторяет основные образные доминанты, обыгрывает фразеологию и стилистику французского послания Плещеева, то подражая своему другу-поэту, то дискутируя с ним, применяя смысловую или языковую антитезу.

Подражание, или имитация выражается в «переделках», а иногда и в практически дословном переводе отдельных слов или даже целых фрагментов плещеевского текста.

Так, Жуковский «перепевает» начало плещеевского текста, представляющее собой посвящение адресату, превращая этот фрагмент двух посланий в своеобразный обмен любезностями. Плещеев пишет, что может стать известным лишь благодаря имени Жуковского, последний же сначала в шутливой форме соглашается, а затем возвращает любезность адресату послания:

Ты прав, любезный мой поэт!
Твое послание на русском Геликоне,
При русском мерзлом Аполлоне,
Лишь именем моим бессмертие найдет!
<...>
«Жуковский. Не весьма в чести при Аполлоне;
Но боле славен тем, что изредка писал
К нему другой поэт, Плещеев» [4, с. 178].

См. аналогичный фрагмент послания Плещеева:

Si par cette méchante épitre
L'auteur n'est pas conduit à l'immortalité
Il n'échappera point à la célébrité
Par le nom qui se trouve au titre [2].

Если это дурное послание
Не приведет автора к бессмертию,
Он не минует славы
Благодаря имени, которое стоит в заглавии
(Здесь и далее перевод наш – И. В.).

Таким образом, в русских строках Жуковского явно прослеживаются основные языковые доминанты фрагмента плещеевского текста, переведенные на русский язык: *épitre – послание, être conduit à l'immortalité – найти бессмертие, ne pas échapper à la célébrité – быть славным*. Сближает оба текста и охватная рифмовка, которой Жуковский начинает свое послание, тем самым с первых же строк соотнося свой русский текст с французским источником.

Жуковский, как уже было сказано выше, не просто вторит своему другу, перекладывая на русский язык его текст, а зачастую дискутирует, предлагая иное видение предложенного Плещеевым сюжета. Однако и здесь поэт прибегает к заимствованиям из французского послания, переводя отдельные слова и сохраняя метафорическую базу плещеевского текста. Это касается, в частности, описания зимы.

У Плещеева зима предстает в образе седого старика («*le vieillard à cheveux blancs / старик с седыми волосами*»), а стужи и ветра являются его детьми («*vilains enfans / Sont les frimas et les autans / скверные дети / это изморози и ветра*»). Жуковский вторит своему адресату, прибегая к схожему по структуре сравнению: «*кутренник, сын мраза незрелой*».

Однако Жуковский не использует образ старика, а смещает смысловую доминанту в сторону скорого окончания зимы, описывая ее в погребальной одежде: «*Шесть месяцев в одежде погребальной / Зима у нас привыкнула гостить!*» [4, с. 181]. Но даже и с такой смысловой заменой этот пассаж явно вторит французскому

тексту: «*Et qu'en restant chez nous pendant plus de sept mois / Оставаясь у нас более семи месяцев*» [2]. Другие примеры практически тождественных фраз и выражений: «*Accusez la neige et la pluie / Вините снег и дождь*» – «*И я с тобой готов его [климат] винить!*»; «*Nous honore de ses présents / нас чтит своими дарами*» – «*Чересчур в дарах она богата!*» [2; 4, с. 181].

Жуковский поэтизирует на русском языке идеи Плещеева, выраженные по-французски, оставляя ключевое слово французского текста, расширяя его смысл и переводя его значение из бытовой в бытийную сферу. Это наглядно прослеживается на примере двух слов, ставших ключевыми в описании общего соседа поэтов – ростовщика Павлова. Плещеев обвиняет соседа в жадности и корыстолюбии: «*Il va prêter à quarante pour cent! / Он ссудит под сорок процентов!*», «*Mon cher trésor, doublera...triplera... / Мое драгоценное сокровище удвоится... утроится...*» [2]. Жуковский воспроизводит слова «процент» и «сокровище» в более философском, экзистенциальном контексте, выводя их из сферы бытописания в духовно-нравственную сферу:

Оставь его не живши умирать –
И с общих бед проценты вычислять!

<...>

Сокровищ сих бесчувственный не знает [4, с. 179-180]!

Подобные смысловые метаморфозы, генератором которых является отдельное слово из послания Плещеева, у Жуковского нередки. Описывая ужасы предстоящей войны, Плещеев говорит, в частности, о пахаре, оставляющем поле и дом: «*Laboureur qui quitte sa chaumière / Пахарь, покидающий хижину*» [2]. В послании Жуковского также присутствует образ пахаря, но контекст начала войны заменен на контекст ее окончания, который символически связан с приходом весны:

Река, смирясь, блестит между берегами,
Идут в поля оратаи с сохами [Там же, с. 182].

При этом сравнение победы с весной также заимствовано из французского послания Плещеева.

De rapides torrents emportent les glaçons;	Быстрые потоки уносят льдины;
Chaque morceau brisé par l'onde turbulente,	Каждый кусок, разбитый бурной волной,
Me semble un Ennemi vaincu par le Printemps [2].	Мне кажется Врагом, побежденным Весной.

Жуковский довольно точно воспроизводит понравившийся ему фрагмент:

Так, милый друг, скажу я в заключенье:
Пророчество для нас твое сравненье!
Растает враг, как хрупкий вешний лед [4, с. 182-183]!

Помимо прямых языковых соответствий в послании Жуковского можно найти немало примеров переделок исходного текста Плещеева. И в этом случае, как и в предыдущих, французский текст служит источником, прообразом русского текста поэта. Так, плещеевская «муза бонбоньерка» (*muse bonbonnière*) переделывается Жуковским в «конфетный Аполлон». В послании Плещеева фигурирует персонаж комедии Мольера «Мизантроп» Филинт:

Si l'on pouvait comme un autre Philinte,	Если бы было можно, как Филинт,
A tout moment se replier sur soi [2]!	В любой момент замкнуться в себе!

Жуковский вводит в свой текст другого мольеровского персонажа – Гарпагона («Скупой»):

Что, подражать поклявшись Гарпагону,
Он обратил и душу в кошелек [4, с. 179].

К переделкам французского источника можно отнести и обыгрывания Жуковским устойчивых фразеологизмов и поговорок. При этом французский текст Плещеева не содержит прямых соответствий, а выступает в роли функциональной, идейной базы создания каламбуров.

Так, Плещеев вводит в свое послание сокращенный вариант французской поговорки «*C'est le chien de Jean de Nivelle qui s'enfuit quand on l'appelle*» (Когда он нужен, его нет): «*Un anglais qui sort de table, – un enfant qui s'en va en classe, – le chien de Jean de Nivelle, – un époux à la mode qui revient à la maison, – la main de Pavloff qui va dans la poche pour donner l'automne...*». / «*Англичанин, выходящий из-за стола, – ребенок, идущий в класс, – собака Жан де Нивель, – модный супруг, возвращающийся домой, – рука Павлова, опускающаяся в карман за милостыней...*» [2].

В ответном тексте Жуковского находим обыгрывание библейского изречения «око за око, зуб за зуб»: «*Но ухо за ухо, зуб за зуб, говорят, // Ссылаясь на писанье // А я тебе скажу: посланье за посланье!*» [4, с. 179].

Диалогизм двух посланий четко выражен и на структурно-композиционном уровне. Послание Плещеева разбито на две части. Первая имеет подзаголовок «*4 апреля, в очень плохую погоду*», а вторая – «*Продолжение... 10 апреля. В очень хорошую погоду*». Жуковский вторит своему адресату, помещая подзаголовок «*В день Светлого Воскресения*», что сразу соотносит его с Пасхальным воскресеньем, которое в 1812 году приходилось на 21 апреля и может быть воспринято в ассоциативной связи с подзаголовком текста Плещеева.

Свое послание Плещеев начинает прозой с небольшими стихотворными вставками, четко отделяя прозаическую часть от собственно самого послания в стихах соответствующим заголовком: «*Épître à Joukoffsky / Послание Жуковскому*». Текст Жуковского не содержит прозаичных вставок, однако его начало, являющееся, по сути, вступлением к основному тексту, написано вольным ямбом, интонация которого хорошо подходит для повествовательного рассуждения:

А почему ж? Читай. И прозу и стихи
Я буду за грехи
Марать, марать, марать и много намараю,
Шесть томов, например (а им, изволишь знать,
Готовы и титул и даже оглавление);
Потом устану я марать,
Потом отправлюся в тот мир на поселенье,
С фельдгегерем-попом,
Одетый плотным сундуком [Там же, с. 178].

В обоих посланиях быт и бытие, этико-философские максимы и повествование о повседневных событиях чередуются: тем самым они уравниваются в языковом, стилевом и эстетическом статусах. К тому времени литературно-языковая традиция уже выработала богатый арсенал средств, характерных для «высокого» книжного языка письменной литературной нормы. Более острой проблемой русской литературы были языковые опции моделирования предметно-бытового мира и имитации устной разговорной речи, что актуализировало разного рода билингвальные салонные языковые игры, в русле поэтики которых и развивалась переписка двух поэтов на двух языках, ставшая лабораторией поэтического стиля «гармонической точности», предшествовавшего идеологеме «поэзии действительности».

Русский и французский языки, служащие в данной паре посланий для описания одних и тех же событий и явлений, очевидно дополняют друг друга. Так, французский язык, более богатый устойчивыми коммуникативными блоками, служит моделью аналогичных русских конструкций. Русский, напротив, предоставляет французскому арсенал новых поэтических ритмов и размеров. Жуковский использует разные стихотворные метры в своих посланиях к Плещееву, поэтому ответные стихи Плещеева ближе к вольному ямбу, чем к александрийскому стиху традиционной французской поэзии.

Список литературы

1. **Арзамас**: сборник: в 2-х кн. М.: Художественная литература, 1994. Кн. 1. 608 с.
2. **Архив Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН**. 27.887 / СС 6. 42 (Онегинское собрание).
3. **Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива** // Русский архив. 1866. № 5. С. 859-903.
4. **Жуковский В. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. 760 с.
5. **Иезуитова Р. В.** Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989. 287 с.
6. **Письмо Василия Львовича Пушкина к Д. Н. Блудову. 1812** // Русский архив. 1899. № 7. С. 459-463.
7. **Фрайман Т.** Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту: Tartu University Press, 2002. 161 с.

ONE MESSAGE OF V. A. ZHUKOVSKY TO A. A. PLESHCHEEV: ON THE RUSSIAN-FRENCH DIGLOSSIA OF THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

Vyatkina Irina Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
iviat@rambler.ru

The article discusses the French source of V. A. Zhukovsky's poetic messages to A. A. Pleshcheyev "Message to Pleshcheyev. On the day of Easter Sunday". The author reveals the French-speaking nature of Zhukovsky's text and comes to the conclusion about the substrative function of the French language in the formal-semantic and linguistic embodiment of the poet's Russian poem in the conditions of the Russian-French diglossia in the first third of the XIX century.

Key words and phrases: the Russian literature; the Russian-French diglossia of the beginning of the XIX century; poetic message; "home" poetry; circle literature; literary way of life.